

И стою перед небом, куда бы под ним ни пошёл
И какую бы мўку себе ни сыскали бы руки.
Там, в саду, предо мной заплетает гудение пчёл
В шёпот ласковых трав и в свечение глаз близоруких
Тот, кто эти глаза всяким утром целует в рассвет,
А незрячим птенцам отсыпает не сытного хлеба,
А несытного слова, в котором ни времени нет,
Ни смертей, окромя той одной, что просторна, как небо.

Весной из окна можно выйти в сиреневый цвет,
Уткнуться в него, но не плотью, излюбленной тленом,
А тем невесомым, которому имени нет,
Что губы целует, но сходит с них неизреченным.
И тем—обнажённым, не знающим кожи и слёз,
Взыскующим света, как страждущий хлеба над хлебом,—
Почти не дышать над цветеньем сиреневых кос,
Из них выплетая хлопчатое белое небо.

Мне черёмуха цветом сегодня так громко бела,
Что с бесценной монеткой рука замирает над кружкой,
И я миг отпускаю, как будто бы час подала
Ничего не просящей, не милостивой побирушке.
Да и что ей просить? Всё, что смертно,—её в перечёт,
И мой миг для неё—суета в суете, безделушка.
Как же звонко черёмуха нынче меж нами цветёт!
Как же быстро сегодня монетками полнится кружка.

В придорожном кафе на салфетке
Карандашный набросок зимы:
Снег оттенка берёзовой ветки,
Гомонья воробьёв-горемык.
Не идёт, не летит, не ложится
Заключённый в графитовом сне,
С ним уже ничего не случится
Ни сейчас, ни потом по весне.
Как же страшно, как, Господи, страшно—
Белый листик на весь окоём
И, как в зеркале, в снеге бумажном
Отражение видеть своё.

В горло поцелована бедой
Самая любимая из дочек.
Беспрестанно ноги кровоточат
В башмаках, подаренных Тобой.
В голове и жар, и полынья,
Крещена полынью и крапивой.
Где, скажи, такой набраться силы,
Чтоб легка была любовь Твоя?
Кружит колесо привычных дней,
Где в одно ребро впились все спицы,
Пью и не могу никак напиться
Из ладоней милости Твоей.
Обожжённым горлом говорю,
И ответом, что меня Ты слышишь,
Утром солнце алым красит крыши
И приводит новую зарю.

Над водой ходит та же вода,
Небо—та же река наизнанку,
И зимуют в ней звёзды-подранки,
Приручённые голосом льда.
Страшен он, обращённый в себя,
Словно невозвращённое эхо.
И река покрывается снегом,
И стоит заметённой изба
С одиноким, как Бог, человеком.

Ночь, и будто ниже ростом
Небо, гулко пахнет тьмой.
Ходит ангел по погосту,
По надгробиям рукой
Водит. Старый ворон эхом
Оглашает за версту:
«Человек! Идёт по снегу!
Человек идёт по снегу!»
Человек идёт по снегу
И уходит в высоту.

Коротких снов непойманное имя
Больной окликнет, и его мольба
Тотчас достигнет той, что с ним незримо
Уже лежит. Но и её волшба
Не излечима миром, где слепые,
Мы трогаем себя, как вещество,
А умершие, будто бы живые,
Колядовать приходят в Рождество.
И говорят: вот мы. Мы тоже были,
Мы то, что с вами было и прошло,
Мы то, что с вами будет. И бессильно
Не дышат на замёрзшее стекло.

Там, где была деревня,—сухой
Проходит сквозь заброшенные срубы,
Сочатся краской треснувшие губы
С иконы у распахнутых дверей.
И птицы плачут: «Чьё все это? Чьё?»
Замшелые колокола на башне
Молчат и смотрят в лес над бывшей пашней.
А губы шепчут им в ответ: «Моё».
Но как же страшно шепчут.
Как же страшно.

Я видел смуглые черты. В бреду.
Клянусь, его я счёл бы адом,
Когда бы верил, что в аду
Так дивно может веять садом
С его вечерней тишиной,
С белёсым яблоневым цветом.
Нет. То был рай. Но предо мной
Горячим порождением бреда
Не белым ладилось крыло,
А кто-то смуглый, мне мерещась,
Стоял. И ветер тяжело
Вздыхал, взирая, как трепещет
Листок, им сорванный, за миг
Лишившийся привычной тверди
Упругой ветви. Прятал крик
Я в своём горле. Старше смерти
Был гость мой. Или я ему
Был гость в его тысячелетях.
И воспалённому уму,
Зажатому земною клетью,
То грезил рай, то мнилс я ад,
То снился лист, лишённый ветви
И сада, где горит закат,
Где сладко спят слепые дети.
И у детей Его черты.

О ветер, те сады пусты.

Иной косе на две не расплетаться.
Льяное небо, ссученное в нить,
Веретено да прялка— всё богатство,
И что той жизни— только прясть и шить
Из луговой пылающей кудели,
Иссохшей от невыплаканных слёз,
Из перьев птиц, которые не пели
Обещанного. А оно сбылось,
И дом стоит по четвергу обмытый,
Белеют в окнах голоса свечи
На убывание, и рушники пошиты
Для тех, кто в дом приходит и молчит—
И жадно смотрит в сердце нараспашку,
Где скачет, вертится веретено—
Бессмертно, чтоб хватило на рубашку,
В которой к смерти выйти не грешно.

С годами обмельчала тишина.
И ты, всё глубже погружаясь в слово,
Осознаешь, что речь всего одна
И у неё нет образа иного,
Чем Бог.
Так у воды нет дна—
Есть дно реки, есть у слезы щека,
И в них вода бессмертна и бездонна.
Ты думал, что на разных языках
С ней говоришь, но вот язык исконно
Один.
Так света луч впотьмах—
Есть темь колодца, есть ночная тьма,
И это свет, и не отречь от света
Глагола, коим тьма изречена.
Ты слышать стал, как говорит об этом
Она сама.
С годами истончилась тишина.

По жжёному хлебу земли,
По каждой мочёной корке
Мы зиму сжигать вели
На мартовские задворки
И с радостью неужной
Прощались с постылой стужей,
Как будто была никчёмной,
Как будто была ненужной.
Снег таял на скатах крыши,
На вётрах грачи кричали.
На зиму смерть стала ближе,
Но это весне прощали.

Мы с ней сидели в парке у пруда,
Глядя, как осень тает листопадом.
Кружился лист и на колени падал,
Вдали отца мелькала борода
За старенькой кладбищенской оградой.
Молчали, на двоих делили хлеб—
Мы с ней всегда всё пополам делили.
На кладбище сегодня хоронили,
Покойник шёл со всеми наравне
К своей недавно вырытой могиле
И увязал, как все, в сырой земле,
Понять, что уже мёртв, ещё не в силе.

Не досталось руке топора,
Вот и просишься на постой
К тем, кто встретится. До утра
Под разверзнутой пустотой
Слушать ветер с того холма,
Где по имени помнят всех.
А в небесном ковше зима
Да луны истончённый серп.
Но повинную им не ссечь,
Даже если есть в том нужда.
И куда-то душе прилечь,
Окромя разве в никуда.